

от 15 МАЯ 1960

г. Москва

Газета №

ШЕЛ ЧЕЛОВЕК К МЕЧТЕ

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

К НАЧАЛУ концерта я опоздал. Вошел в фойе и замер. Меня остановил голос певицы. Великолепное, красивое, сильное «меццо», как бы раздвигая стены зала, рвалось сюда, в фойе. Я заглянул в просвет штор. На сцене стояла молодая женщина в черном платье. Пела она с таким наслаждением, с такой душевной щедростью, что слушатели застыли в изумленном, благодарном восхищении.

Я узнал певицу. Заслуженная артистка РСФСР, лауреат международного конкурса, солистка столичного Музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко известна не только в нашей стране, но и за рубежом.

Известна. А меня вдруг охватило странное чувство — показалось, что очень давно, больше двадцати лет назад, когда на афишах не могла еще появиться фамилия Исаковой, я уже слышал ее голос. Где же это могло быть? Снова прислушался и вспомнил.

Кончилась война. Мы праздновали победу. В концерте самодеятельности выступала молоденькая девушка лет семнадцати. Она вышла на сцену, путаясь в неведомо где добытом концертном, до пят, платье. Но, когда девушка запела, мы тут же забыли о ее странном наряде. Всех покорила голос, мажора исполнения, полная необыкновенной широты. Так поют только на Руси. Тогда-то, готовя отчет в газету о празднике, я разговаривал с девушкой, спросил, как ее имя. Она ответила: Нина Исакова. И вот теперь я думаю: неужели сейчас на сцене та самая Исакова, которая пела танкистам и мотострелкам на опушке саксонского леса?

Дождавшись, когда слушатели, наконец, отпустили певицу, пошел за кулисы. Нина Сергеевна в ответ на мой вопрос улыбнулась и сказала:

— Да, тогда под Дрезденом была я.

Даже коротенькая встреча на фронте порой дороже длительного знакомства. Может, потому в тот вечер мы прошагали по Москве несколько километров, вспоминая далекий победный май.

Этом я еще несколько раз встретил Нину Сергеевну, узнал кое-что о ее жизни — сложной, порой тяжелой и трагической, понял, что о ней, этой женщине, надо рассказать людям.

КОЛЬКО стоит человек? Признаться, я оторопел от вопроса Нины Сергеевны. Сидя, взглянула на меня, горько усмехнулась:

В 1944 году на ярмарке невольников в Дармштадте, недалеко от Рейна, меня продали пекарем за 15 марок. И маму тоже.

Там, у Рейна, оказалось немало угнанных фашистами в рабство советских людей. Гитлеровцы всячески запугивали их: «Если придут ваши, всех загонят в Сибирь!» Измученные голодом, непосильным трудом, постоянными унижениями, оторванные от Родины, некоторые поверили этой лжи.

Мать и дочь Исаковы не дрогнули, как не дрогнуло и большинство пленников. Они ждали своих. И дождались: их освободили советские танкисты.

Вспоминая о мытарствах в последние месяцы войны, Нина Сергеевна неожиданно сказала:

— Недавно в Канаде я снова пережила все сначала.

В Канаду она ездила в составе делегации на Всемирную выставку. В Монреале случай свел Нину Сергеевну с одной семьей. Глава ее — инженер, выходец из Чехии, участвовал в сооружении советского лавильона. А жена у него русская, Мария. Выросла она на Ставрополе. Когда Нина Сергеевна разговаривалась с ней, выяснилось, что обе сидели в одних и тех же концентрационных лагерях. После войны Мария побоялась вернуться домой и оказалась в Южной Америке. О жизни на далеком континенте она вспоминала почти с таким же ужасом, как о фашистском рабстве. Сколько ее подруг умерло голодной смертью или вынуждено было пойти на тротуары торговать собой! Чудом Мария попала в Канаду. И тут ей улыбнулось счастье — она вышла замуж. Когда-то Мария мечтала о большой интересной работе, о высшем образовании. Сейчас доля домашней хозяйки кажется ей райской по сравнению с тем, что она пережила.

Да, она, Мария, довольна своей судьбой. Живет в достатке, растут дети, рядом муж. А как она, Нина? И что это у нее за красный флажок на груди? Что, Нина депутат Верховного Совета РСФСР? Как говорят в Канаде, парламентарий. Та самая Нина, которая прошла ужасы фашистских концлагерей! А как же Сибирь?

Нина Сергеевна слушала собеседницу, и ей было жалко эту в общем-то хорошую, милую русскую женщину, тоскующую по далекому Ставрополю. Но она понимала: все, что произошло с Марией, не случайно. Те, кто воспитывал Марию, в юности не закалили ее волю, не помогли стать человеком, бойцом.

У Нины все было иначе. Тысячи раз она выходила на сцену. Были концерты-триумфы, были спектакли, дарившие творческое наслаждение и признание.

— И все-таки, — говорила Нина Сергеевна, — самый радостный, самый важный в моей жизни концерт состоялся... 8 марта 1942 года.

Она выросла в семье инженера-лесовода. Перед началом войны семья жила на Смоленщине, в районном центре Знаменка. 8 октября 1941 года, в день, когда Нине исполнилось 13 лет, фашисты заняли Знаменку. Отец уже был в армии. Мать, Клавдия Васильевна, вместе с дочерью

перебралась в маленькую деревушку Лепехи. Однажды вечером в их домик кто-то тихо постучался. Мать впустила пришедшего и ахнула: перед ней стоял Петр Карпович Шматов, секретарь Знаменского райкома партии. К тому времени он командовал партизанским отрядом «Смерть фашизму». Карпыч, как его все звали, пробыл в Лепехах несколько дней. Тут Нина и получила от него первое задание: пыхтя и хмуря брови, она писала на повязках готическими буквами слово «вальдхютер» — лесник. Эти повязки помогали партизанам ходить из деревни в деревню.

Нина от руки размножала сводки Совинформбюро. А на следующий день странички из школьной тетради с прыгающими строчками полудетского почерка появлялись на столбах и стенах домов в самой Знаменке, во многих деревнях района.

Командир отряда взял шустрю девочку себе в связные. Нина ходила на явочные квартиры в районный центр, бывала в деревнях, приносила важные сведения партизанам в лес. И ее сердце наполнялось гордостью: вот и она борется с фашистами!

А скоро в леса был выброшен наш парашютный десант, сюда же прорвались советские конники. Весь Знаменский район освободили от захватчиков. 8 марта создали женские праздники. Женский праздник отмечали так же, как и до войны, даже, пожалуй, еще более торжественно. На домах красные флаги, в клубе торжественное заседание — жива Советская власть!

Нину хорошо знали в особом партизанском полку, который располагался вокруг Знаменки. Часто она бывала в госпитале: стирала белье, помогала сестрам ухаживать за ранеными и пела в палатах «Синий платочек», «Катюшу», «Три танкиста», другие песни. Глядя, как радостно светятся глаза, как гаснут на лицах людей страдания, она впервые поняла, какая сила заложена в хорошей песне.

Когда ведущий праздничного концерта объявил: «Поет Нина Исакова», — зал встретил девочку, как прославленную певицу. В тот день ей преподнесли и первую в ее жизни премию за пение — отрез на платье. А наутро Нину вызвал Карпыч.

— С первым самолетом полетим в Москву.

И вручил бумажку, где карандашом была написана характеристика партизанки Нины Сергеевны Исаковой со словами о том, что «она одаренная певица и ее надо учить в консерватории».

С первым самолетом Нина не улетела — вывозили тяжело раненых. Со вторым повторилось то же самое. Третий же пришел — гитлеровцы решили покончить с партизанским краем: бросили на Знаменку большие силы.

Нина могла уйти в леса. Но заболела мать. Долго удавалось прятаться по дерев-

ням, пока их не выдал предатель. С той поры и до конца войны Нина с матерью кочевала по лагерям.

В МОСКОВСКУЮ консерваторию она все-таки попала, только одиннадцать лет спустя, в 1953 году. Позади остались самые трудные послевоенные годы. Отец погиб. На руках были больная мать, младшая сестра, крошечная дочурка. Но мечта о пении жила. Как ни тяжело было ей, она окончила музыкальное училище в Черновцах. Ее первая учительница Прасковья Григорьевна Петренко сказала: «Нина, дальше — только консерватория».

И вот Москва — начало новой жизни. Еще студенткой она стала лауреатом Международного конкурса в Женеве. А когда окончила консерваторию, была принята солисткой в Театр имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Не поздно ли начинать, говорили некоторые: ведь ей почти тридцать. Нет, не поздно, резонно возражала профессор консерватории Фаина Сергеевна Петрова. Она-то знала, какой огромный заряд творческого горения несет душа Исаковой.

Профессор не ошиблась в ученице. Нина Сергеевна спела много партий в спектаклях своего театра, ее пригласили в «Большой», где она исполняет партию Любаши в «Парской невесте» и Керубино в «Свадьбе Фигаро». Она стала одной из лучших советских камерных певиц.

...Мы вышли из театра. Пригревало майское солнце. Нина Сергеевна жмурилась явно нежась под весенним теплом.

— Постоим минутку, — предложила она и тут же взглянула на часы. — Хотя конечно, времени в обрез.

У нее, действительно, денек расписан по минутам. Репетиции, занятия, уйма депутатских дел. А сейчас новая забота — может быть, один из самых радостных в ее жизни. В ноябре должна состояться премьера оперы «Кармен». Впервые у нас в стране она будет исполнена так, как задумал ее Бизе. Ставит оперу ведущий режиссер берлинской «Комише-опера» Вальтер Фильзенштейн. Партию Кармен он поручил Исаковой.

Нина Сергеевна неожиданно призналась:

— Знаете, очень хочется попасть в Дармштадт. Там наверняка жив кто-нибудь из тех, кто устраивал ярмарков рабов. Поговорить бы с ними. Впрочем, такие мало что знают...

И заторопилась к Пушкинской площади.

...Судьба человека. Одною она, словно поводь слепого, ведет за собой. Другой настоящий боец, становясь творцом, как бы ни трудно складывалась жизнь. Именно так она Нина Сергеевна Исакова.

М. БУЖКЕВИЧ.